Алексей Порвин

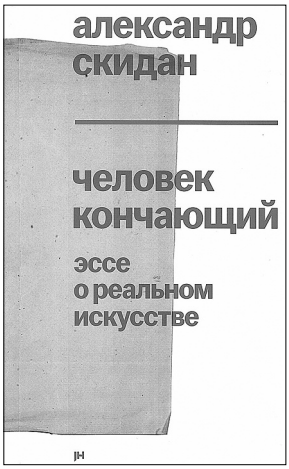
Сеансы дистанции

DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_297

Скидан А. Человек кончающий: эссе о реальном искусстве.

СПб.: Jaromír Hladík press, 2025. — 168 с.

Книга поэта, прозаика, критика и переводчика Александра Скидана дает представление о его эссеистическом методе, который можно обозначить как постмодернистскую меланхолию: автор не ищет в тексте позитивный гуманистический смысл, а исследует разрывы, зияния, диссонансы и стратегии саморазрушения текста перед лицом исторической и эстетической катастрофы. Исследовательские стратегии, модусы чтения и интерпретативные рамки в этом корпусе неоднородны — и именно в этой мерцающей, принципиально незавершенной текучести заключается одно из важнейших достоинств книги: сознательный отказ от застывшего методологического канона — единственно верный, подлинно диалектический ответ на современную культурную ситуацию.



Жесткий методологический канон — это структурный микрокосм репрессивных государственных и макроэкономических аппаратов, в свете чего книга Скидана концептуализирует саму практику интеллектуального сопротивления гегемонии «правильного метода». Особая ценность этого опыта — в успешном демонтаже тотализирующих языковых и методологических предписаний, что позволяет передать реципиенту эмансипаторный аппарат для самостоятельного преодоления навязанных рамок мышления[1].

Эволюция эссеистического метода Александра Скидана — это последовательное развертывание «письма-лабиринта»[2]. С самого начала своей практики Скидан воспринимал эссе не как прикладной аналитический формат, а как «продолжение поэзии (и прозы) иными средствами», при котором создание текста служит герменевтическим способом прочтения «самого себя»[3]. Преемственность и герметичность этого подхода отчетливо прослеживаются через миграцию текстов: знаковые эссе «Эфирная маска» и «Взгляд на вид неба Александрии» изначально составляли концептуальное ядро дебютного авторского сборника[4], а затем вошли в книгу «Человек кончающий».

---

1 Оптика настоящей рецензии во многом опирается на работу Теодора Адорно «Эссе как форма» (1958), где эссе осмысляется как инструмент отрицания диктата позитивистского метода. См.: *Адорно Т.* Эссе как форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова и И.А. Михайлова // Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О.П. Зубец. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 65–85.

2 *Зацепин К.* Радикализация литературности как формула автономии. О двух эссеистических стратегиях (А. Скидан и Д. Голынко-Вольфсон) // TextOnly. 2007. № 21 (URL: http://www.textonly.ru/case/?article=16870&issue=21).

3 *Скидан А.* «Извлечь поэзию из ее же обломков» // Критическая Масса. 2005. № 3 (URL: https://magazines.gorky.media/km/2005/3/izvlech-poeziyu-iz-ee-zhe-oblomkov.html).

4 *Скидан А.* Критическая масса. СПб.: Митин журнал, 1995.

Словосочетание «Человек кончающий» (вынесенное в заглавие по одному из эссе) формирует концептуальный и экзистенциальный каркас всего сборника: для Скидана литература, поэтическое письмо и критический акт — это пространство катастрофического столкновения с наслаждением-страданием самого текста. Концептуализируя двойную природу предельного опыта, заглавие одновременно отсылает к лакановскому *passage à l'acte* (вписывая в этот контекст суицид Кириллова из «Бесов») и актуализирует эротическую, физиологическую коннотацию слова «кончающий», тем самым выводя проблематику текста в пространство радикального наслаждения (*Jouissance*). Отсылкой к Лакану является и действительное причастие настоящего времени — «кончающий»: субъект никогда не может быть целостным или завершенным, он всегда конституируется нехваткой (*manque*). В этом смысле «человек кончающий» — это интеллектуал, художник, поэт или критик, приговоренный быть вечным двигателем желания, исторгающим текст в отчаянной, обреченной попытке заткнуть дыру в самом центре своего Бытия.

Эпиграф из Шамшада Абдуллаева — как своего рода манифест апофатической поэтики, — вступая в резонанс с ключевыми концептами континентальной философии XX и XXI веков (в частности, с идеями Бланшо, Хайдеггера, Батая и Бадью), очерчивает контур книги как целостного высказывания, задавая горизонт ожидания. Поэтический акт здесь мыслится не как производство смысла, а как его методичное разрушение, где поэт выступает скорее оператором пустоты, чем создателем образов. Адекватное прочтение этого опыта немыслимо в рамках традиционного литературоведения — для этого нужна сложнейшая интеллектуальная полифония, которую и предлагает автор.

В самом деле, кросс-дисциплинарная герменевтика Скидана виртуозна. Дело даже не в том, что он мастерски владеет постструктуралистским инструментарием, а в том, как сама исследовательская оптика трансмутирует от эссе к эссе, двигаясь от отстраненной академической деконструкции к авторефлексивной аннигиляции метода. Это — не прихоть, но строгая стратегия интеллектуального сопротивления: от вскрытия буржуазного логоцентризма — к анализу исторической травмы, затем — к фиксации абсолютного отчуждения, чтобы в финале осуществить сознательный демонтаж собственной позиции как товаропроизводителя в глобальной экономике знаний. Так, в эссе «Голос ночи» о Константине Вагинове автор взламывает бинарные оппозиции, предъявляя взлом как политическую субверсию гегемонного буржуазного дискурса, неотъемлемым атрибутом которого выступает логоцентризм. Скидан обнажает языковую игру — и вместе с тем катастрофу субъективности, превращая игру со знаками в политическое событие. При этом столкновение с реальной исторической катастрофой 1920–1930-х годов в эссе о Вагинове, а также в тексте об Андрее Николеве («Длящееся настоящее») провоцирует закономерный материалистический сдвиг. Скидан демистифицирует формальные аберрации и некропоэтику маргиналов: текст перестает быть автономным эстетическим феноменом и проблематизируется как симптом жесточайшей классовой перестройки, биополитического террора и тотальной люмпенизации культуры в эпоху победившего отчуждения, когда писатель редуцирован до функции безличного переписчика исторических руин.

Последующий сдвиг парадигмы в эссе об Александре Введенском («Эфирная маска»), знаменующий переход от исторического материализма к лакановскому психоанализу, конгениален джеймисоновской формуле, согласно которой регистр Реального и есть сама неумолимая История — «то, что причиняет боль»[5]. Скидан

5 *Jameson F.* The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 102.

фиксирует ту предельную степень интенсивности тоталитарного террора, при которой привычные социальные связи и сам Символический порядок подвергаются аннигиляции. Зияющая онтологическая пустота в текстах Введенского диагностируется как опыт абсолютного отчуждения субъекта в условиях репрессивного госаппарата. Метод становится психоаналитическим, поскольку сама материальная реальность оказывается психотической: письмо функционирует как «эфирная маска», камуфлирующая невыносимую травму столкновения с машиной уничтожения.

Эта логика сопротивления концептуально оформляется в заглавном эссе «Человек кончающий», где танатологический поворот и программный отказ от герменевтического насилия артикулируются как предпосылки радикального политического жеста. Скидан тонко улавливает специфику неолиберальной академии эпохи позднего капитализма: любой конвенциональный литературный анализ неминуемо превращает живую ткань текста в товарный фетиш, требуя не только непрерывной циркуляции дискурса (конвертируя невоспроизводимую уникальность поэтического акта в легко исчисляемые наукометрические показатели и институциональные дивиденды), но и анестезии читательского опыта, — зияние Реального и историческая травма должны быть надежно упакованы в стерильные объяснительные схемы, пригодные для безопасного интеллектуального потребления.

Своего апогея эта стратегия достигает в эссе «Пре-вращение: поэтические машины Александра Введенского», где сам аналитический аппарат трансмутирует в перформативную практику: сплетая тексты Делёза, Гваттари, Бахтина и Введенского, скрещивая концептуальный аппарат шизоанализа с поэтикой радикального монтажа, он фактически объявляет забастовку против академического способа производства. Отказ от тотальной экспликации и сознательное стирание демаркационной линии между субъектом и объектом исследования приводят к тому, что аналитическая дистанция лишается привычных опор — безопасной герменевтической отстраненности и декартовской иерархии. Актуализируя дерридианскую «хонтологию»[6], письмо начинает дребезжать, словно спиритическое блюдце, которое мерцающе превращается в бобину с кинолентой и обратно, при этом на читателей сыплются фарфоровые осколки, которые вспыхивают пронзительным светом Реального, силятся сравняться с абсолютной белизной экрана в ослепленном паноптическом кинозале — пространстве, где есть лишь гигантское проекционное полотно, но нет дверей. Этот медиальный шок и погружение в клаустрофобию бесприютного смысла становятся для Скидана ультимативным способом эмансипировать травматическое ядро текста от тотальности Символического порядка и удержать поэтическое высказывание в состоянии радикальной апории, где нередуцируемая инаковость текста ускользает от любой логоцентрической сборки и герменевтической редукции.

В финальном блоке книги, посвященном памяти Василия Кондратьева, Дмитрия Голынко и Шамшада Абдуллаева, переход к «свидетельской» и элегической оптике дезавуирует идею анонимности исторических процессов. Однако судьбы этих авторов концептуализируются Скиданом по-разному: если ранняя гибель Кондратьева и экзистенциальный слом Голынко предстают как симптом структурного насилия постсоветской эпохи, то меланхолическая изоляция Абдуллаева прочитывается иначе. Его стоическая аскеза, «апофатика» и поэтика умолчаний на руинах империи осмысляются как радикальный жест эстетического сопротивления — способ сохранить (трансатлантический) космополитизм и высокую автономию духа вне метрополий. Завершающий аккорд сборника — эссе «Взгляд на вид

6 *Derrida J.* Spectres de Marx: l'état de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale. Paris: Éditions Galilée, 1993. P. 31.

неба Александрии» — маркирует абсолютный предел критического праксиса, где аналитический дискурс распадается на суггестивный коллаж из сновидений и цитат, переходя в тишину.

Апофатический финал книги — последовательное впадение в немоту и суггестивный коллаж — служит высшим доказательством этической и методологической правоты автора. В эпоху тотального семиокапитализма единственным подлинно эмансипаторным жестом становится отказ от производства репрезентаций. Следуя императиву негативной диалектики Адорно, гласящему, что «мыслить — значит мыслить против самого себя»[7], Скидан слагает с себя властные полномочия всеведающего интерпретатора. Его окончательное превращение в «человека кончающего» — субъекта, замирающего на границе языка перед зиянием Реального, — парадоксальным образом оборачивается колоссальной интеллектуальной победой, подоплека которой — отказ интегрировать чужую травму, чужой текст и чужую смерть в глобальную систему академического обмена.

В этой книге Скидан берет на себя задачу, напрямую связанную с мессианским проектом Вальтера Беньямина с его «Ангелом Истории», сознательно отказываясь конструировать телеологический, примирительный нарратив о развитии отечественной литературы. В этом смысле книга, говоря словами Беньямина, проявляет «слабую мессианскую силу»[8], стремясь вырвать сингулярный поэтический опыт (будь то Вагинов, Введенский или безвременно ушедшие современники) из гомогенного, конформистского континуума «истории победителей»[9].

Для Скидана акт критического письма — прежде всего этическая попытка с помощью хрупкого, перформативного и антииерархического жеста ответить на призыв прошлого/текста спасти его от превращения в товар. В этом смысле «Человек кончающий» — это суровый, безупречно артикулированный манифест *негативной герменевтики*, возвращающий русской критике ее забытое философское достоинство. Поразительная пластичность метода, его готовность к самоаннигиляции ради спасения истины объекта, переводит книгу в иное качество: перед нами — монолитный философский трактат, выстроенный в форме пульсирующих эпистемологических вспышек, каждая из которых — это всякий раз качественно иная дистанция.

Александр Скидан создает уникальный прецедент письма, в котором этическая непреклонность, леворадикальный критический импульс — еще до его кристаллизации в строгую марксистскую оптику — и психоаналитическая глубина сплетаются в текст небывалой суггестивной силы. Эта книга является обязательным «руководством по выживанию» для всякого, кто еще надеется обнаружить в литературе пространство для спасения подлинного исторического опыта в наступившую эпоху тотальной симуляции.

---

7 *Adorno T.W.* Negative Dialektik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1966. S. 142.

8 *Benjamin W.* Über den Begriff der Geschichte // Gesammelte Schriften. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1974. Bd. I.2. S. 694.

9 Ibid. S. 696.